

Концепция «государства развития» в контексте евразийской интеграции

Кудаяров У. Б.^{1,*}, Матазимов А. М.²

¹ Евразийская экономическая комиссия; Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация;

* u.kudayarov@eecommission.org

² Евразийская экономическая комиссия; Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева, Бишкек, Кыргызская Республика

РЕФЕРАТ

После глобального финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. и в последнее время в связи с пандемией COVID-19 мы наблюдаем активное растущее участие государства в восстановлении экономики. В связи с этим растет интерес к анализу степени вовлеченности государства в экономическом развитии и регулировании рынка, в частности к возрождению модели «государства развития». С учетом новых факторов, влияющих на мировую экономику, нами создается новая функциональная модель «государства развития», основные характеристики которой выверяются в рамках деятельности ЕЭК как наднационального органа ЕАЭС.

Цель. Целью статьи является актуализация концепции «государства развития» с учетом современных вызовов (трендов), присущих XXI в. Этот шаг позволит по-новому представить модель «государства развития».

Задачи. Предлагается представить версию концепции «государства развития», определить и проанализировать современные вызовы, с которыми сталкиваются государства в XXI в., на основе полученных выводов представить базовые элементы новой концепции «государства развития»; проанализировать актуальность модели применительно к развитию ЕАЭС.

Результаты. По итогам проделанной работы представлены основы новой модели концепции «государства развития», отвечающей современным экономическим и политическим вызовам. Данные наработки открыты для обсуждения и более детального наполнения.

Методология. Методологическая основа исследования строится на системном подходе и общенаучных методах ретроспективного анализа, компаративного анализа, индукции и дедукции, обобщения, группировки информации.

Выводы. Считаем, что все вызовы призваны способствовать созданию эффективной модели, где главным фактором должно выступать именно государство, способное формулировать и осуществлять политику развития совместно с деловым сектором и гражданским обществом.

«Государства развития» XXI в. должно сохранить потенциал по выстраиванию работающей бюрократической системы и встроенную автономию, при этом взять на себя большую социальную ответственность. Акцент на раскрытие человеческого потенциала, вклад в образование граждан, цифровизация госфункционирования — это то, на чем должна строиться новая модель «государства развития». ЕАЭС обладает многими характеристиками модели «государства развития» и имеет как потенциал, так и возможности для расширения применяемого инструментария модели и тем самым углубления интеграции в рамках Союза. При этом его реализация зависит от готовности стран к такой трансформации.

Ключевые слова: концепция «государства развития», промежуточные институты, этатизм, общественный договор, государственный капитализм

Для цитирования: Кудаяров У. Б., Матазимов А. М. Концепция «государства развития» в контексте евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 18–27.

The Concept of “Developmental State” in the Context of Eurasian Integration

Ulanbek B. Kudaiarov^{a, *}, Abakir M. Matazimov^b

^a Eurasian Economic Commission; Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation;

* u.kudayarov@eecommission.org

^b Eurasian Economic Commission; Diplomatic Academy MFA KR named after K. Dikambaev, Bishkek, the Kyrgyz Republic

ABSTRACT

Since the economic crisis of 2008, and more recently with the COVID-19 pandemic, we have seen an active involvement of the state in economic recovery. Consequently, there is growing interest in analyzing the degree of government involvement in economic development and market regulation, as well as in reviving the “developmental state” (DS) approach, in particular.

Aim. To update the concept of the “developmental state” in the light of the new circumstances inherent in the 21st century. This step will allow us to take a fresh look at the model and determine the main trends of its development.

Tasks. We seek to outline the classical version of the “DS” concept proposed by Ch. Johnson, to present the challenges faced by the states, to correlate the classical version with the new “possible” version of the “DS” concept, to analyze the relevance of the model in relation to the development of the EAEU.

Methods. We use the systematic approach and general scientific methods of retrospective, comparative analysis, induction and deduction, generalization, grouping of information.

Results. We present several bases that may become the impetus for the model transformation.

Conclusion. The “21st century developmental state” must retain the bureaucratic capacity, “embedded autonomy” and now assume greater social responsibility. Human capacity, empowerment and digitalization of state functioning will be fundamental elements of a new developmental state model. The EAEU has all the possibilities to apply the model at the supranational level. Its implementation depends on the readiness of the countries for such a transformation.

Keywords: concept of the “developmental state”, intermediate institutions, statism, social contract, state capitalism

For citing: Kudaiarov U. B., Matazimov A. M. The Concept of “Developmental State” in the Context of Eurasian Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 18–27.

Введение

После финансового кризиса 2008–2009 гг. и пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, оказывающей влияние на мировую экономику с 2020 г. по настоящее время, наблюдается рост государственной активности во всем мире. Вмешательство в экономику, прямое или косвенное управление коммерческими структурами, учреждение, спонсирование и развитие государственных структур (государственные предприятия, политические банки, суверенные фонды благосостояния и др.), надзор и владение капиталом и другие становятся повсеместной практикой. Существенным является не только масштаб государственного участия, например, доля ТНК с государственным участием в 200 крупнейших мировых компаниях за последние два десятилетия удвоилась и достигла 20%, но и наблюдается рост доли государственного капитала в глобальных сетях производства, финансов, инфраструктуры и корпоративной собственности [6; 14]. В связи с этой тенденцией, а также социально-экономическими успехами стран БРИКС, в частности Китая, концепция «государства развития» приобретает особую актуальность [7; 12; 23]. Исследование роли государства в системе отношений с бизнесом и гражданским обществом с целью обеспечения устойчивого, качественного развития страны в классическом понимании XX в. и его изменение в текущих условиях представляется целесообразным для последующего применения государствами — членами ЕАЭС на наднациональном уровне.

Классическая концепция «государства развития»

Данная концепция была предложена в 1982 г. Чалмерсом Джонсонсом, предпринявшим анализ экономического развития Японии 1950–1980-х гг. [15]. Достижения этой страны в условиях, когда структурное преобразование национальной экономики было труднодостижимой целью для многих стран, не входящих в группу передовых промышленно развитых государств Запада, считаются феноменальными успехами. Причиной данного явления Ч. Джонсон, по итогам анализа проделанной работы японским Министерством международной торговли и промышленности (MITI), обозначил создание Японией собственной модели национального развития, не копирующей ни основные капиталистические экономики (кейнсианскую экономику), ни плановую экономику (социализм) [Там же]. Модель представляла собой капиталистическую, плано-рациональную модель, с долгосрочной приверженностью подходу, ориентированному на развитие, и активным государственным вмешательством для достижения основных социально-экономических целей.

Тем самым были выведены две характерные черты классической модели «государства развития».

1. На политическом и идейном уровнях предполагается консенсус элит по определению модели функционирования государства. В связи с этим поднимается вопрос формирования (будущего) правительства — возникает обязательное условие — наличие элитной государственной бюрократии, состоящей из лучших кадров [Там же].
2. Институт власти имеет возможность и стремится использовать рыночно-конформные методы государственного вмешательства. Такая форма организации деятельности должна предоставить возможность владеть рычагами контроля над реализацией промышленной политики, тем самым позволяя обеспечить управляемость экономики [2].

Кроме того, в классической парадигме закреплён вопрос достижения институционального баланса. В отличие от неолиберальной модели, где подчеркивается необходимость сдержек и противовесов и присутствует децентрализованность, в модели «государства развития» бюрократическая власть сильно централизована. Основные экономические обязанности переданы ведущим или пилотным агентствам, перед которыми поставлены четкие задачи, а бюрократия работает на меритократических принципах с сильными внутренними системами как поощрения (например, конкурентоспособная зарплата и долгосрочные карьерные пути), так и контроля (санкции за коррупцию) [15].

Тесный контакт с частным сектором установлен через промышленные и торговые ассоциации, дискуссионные советы, программы по работе с населением и множество неформальных сетей. Регулярные каналы связи между правительством и промышленностью позволяют властям оставаться в курсе меняющихся потребностей компаний не только по мере того, как экономика открывается для международных рынков, но и по мере усложнения задач технологических инноваций. Опыт ряда стран Северо-Восточной Азии показал, что для того, чтобы быть эффективным, «государства развития» нуждается не только в независимом понимании цели (изоляция), но и в рутинном взаимодействии с экономическими субъектами, на которых оно стремится влиять (связь). Поэтому «государства развития» обычно сочетают относительную независимость (изоляцию) от экономических субъектов с хорошо развитыми связями с частным сектором через множество консультативных механизмов.

3. В экономическом аспекте данной модели приоритет отдается достижению высоких и устойчивых темпов экономического роста, целью которых (для Японии и других развивающихся стран) становится приближение к уровню развитых стран.

В качестве инструмента в том числе используется обеспечение высокого уровня инвестиций по отношению к ВВП. Он позволяет добиться перемещения производственной структуры в более высокопроизводительные виды деятельности. Данный инструмент лежит в плоскости воздействия фискальной и монетарной политики. Институционально обеспечение притока инвестиций обеспечивается путем подчинения Центрального банка высшему политическому руководству. В то же время в самом банковском секторе широко представлены государственные банки, через которые обслуживаются стратегически важные отрасли и компании. Таким образом, подразумевается, что движение капитала строго контролируется государством [20].

Другим инструментом выступает активное участие государственных и частных коммерческих единиц, чье взаимодействие друг с другом осуществляется благодаря институциональной «встроенной автономии» Питера Эванса [9]. Основная идея данной автономии заключается в тесном сотрудничестве между государственными органами и представителями бизнеса для обеспечения коммуникации, постоянных переговоров и своевременной корректировки политики. Такая система взаимоотношений призвана обеспечить для государства дисциплинированность частного бизнеса и их капитала. Политическая воля, предоставленная гражданским обществом, позволяет устанавливать государственный контроль над коммерческими структурами [3]. При этом контроль не является излишним, поскольку компании сохраняют право самостоятельно определять стратегию развития предприятия, которая должна учитывать стратегические цели страны. Таким образом, благодаря модели «государства развития», руководство страны создает условия для качественного экономического рывка. Оно формирует профессиональный состав исполнительной власти, обеспечивает правильное взаимодействие государственных и частных структур, а также гарантирует неизменность «общественного» договора, или правил игры. Последнее представляется наиболее важным, поскольку в модели важен консенсус, согласие всех сторон. И бизнес, и общественность соглашаются на предложенные правительством правила с той мыслью, что руководство страны будет использовать свои полномочия для продвижения производства в сектора с растущей отдачей и экспортным потенциалом, сохраняя большую часть собственности в руках государства и расширяя отечественное производство.

С учетом вышеизложенного следует согласиться с тем, что модель «государства развития» в ее классическом виде не является утопической. Тем не менее условия, в которых существуют современные экономики, в частности постковидный кризис, диктуют необходимость пересмотреть основные направления развития данной модели. Далее будут рассмотрены современные вызовы и угрозы для стран, а также будет предпринята попытка предложить новые основы модели «государства развития».

На пути к новой концепции «государства развития»

В начале XXI в. все страны, принявшие модель «государства развития», сталкиваются с новыми вызовами, которые значительно отличаются от обстоятельств и условий, существовавших во время возникновения классической концепции. Академическое сообщество выделяет три вызова [21]. С учетом последних изменений (посткризисный и постковидный период) мы в дополнение к ним рассматриваем пандемию COVID-19 в качестве очередного вызова, который неизбежно влияет на возможности нынешних правительств выстраивать системы функционирования государства. Так, *первый вызов* представляет собой реструктуризацию мировой экономики, связанную с переходом государств от вторичного сектора экономики (производства) к сектору знаний и услуг. Новый технологический уклад, основу которого составляют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), ускорил процесс трансформации. Мировое хозяйство все больше продвигается за счет знаний, инноваций, а также деловых и финансовых услуг, что резко контрастирует с прошлым веком, когда доминировала обрабатывающая промышленность [23]. В этой «новой экономике», помимо производства физических продуктов, все большую роль играют расширение человеческих возможностей и распространение так называемой креативной экономики.

Второй вызов связан с изменениями в политическом контексте. Благодаря росту знаний и человеческих возможностей, происходит переосмысление политического содержания, провоцируются изменения в социальных потребностях, нормах, ценностях и восприятии. Специфический контекст классической версии концепции определялся желанием уменьшить отставание в развитии, внешней угрозой холодной войны и экономического национализма, поэтому общественность была готова пойти на некоторые жертвы, например, принять авторитарный режим правления. Сегодня же «государству развития» необходимо построить новую базу легитимности в соответствии с новыми обстоятельствами. Для реализации этой задачи требуется создать новый альянс между государством и обществом с включением более широких слоев общества. Под этим предложением подразумеваются улучшения с точки зрения встроенности политической подсистемы в общество, политической свободы, вовлеченности гражданского общества и особое внимание к развитию человеческого капитала. Согласно Амартия Сену, демократическая политическая система,

основанная на представительном, совещательном политическом участии, является не просто средством для развития, но и самоцелью [19].

Третий вызов, экологический, связан с глобальным изменением климата. Ресурсоемкий путь развития прошлого века, основанный преимущественно на истощаемых природных ресурсах, не может быть продолжен в XXI в. Это неизбежно ведет к изменению существующих моделей, привычек потребления и производства, а также инфраструктуры. Соответственно, стратегия развития должна подлежать пересмотру. Правительства будут вынуждены формировать программу развития зеленых технологий. Этот вызов, связанный с пандемией COVID-19, обусловил необходимость принятия правительствами многих стран стратегии жесткой изоляции и введения пакета мер стимулирования с целью минимизации негативных экономических последствий. Роль государства резко возросла — от контроля над социальной жизнью до помощи некоторым секторам и предоставления социальной помощи наиболее уязвимым группам населения.

Следует признать, что данный феномен — возвращение интервенционистского государства — в основном вызван кризисом и является антициклическим, тем не менее отмечают, что на данном этапе рано делать выводы относительно его долгосрочных последствий. При этом неоспоримым остается то, что COVID-19 уже оказывает влияние на практику использования IT-продуктов, что приведет в дальнейшем к более широкому распространению дистанционной работы, обучения и в некоторой степени даже медицинских и других услуг. Все эти изменения могут трансформировать социальную и политическую картину жизнедеятельности государства, что также послужит причиной актуализации социальных программ и стратегий развития государств. Цифровизация, ускоренная COVID-19, существенно перестраивает работу властей, что также предлагается рассматривать как новый вызов для стран.

Таким образом, учитывая указанное выше, формирующее экономическое пространство для современных экономик, далее рассматривается перспективная концепция модели «государства развития».

Пути совершенствования концепции «государства развития» XXI в.

Питер Эванс предлагает новую модель «государства развития», которая, с одной стороны, должна ввиду актуальности некоторых задач соответствовать модели XX в. (например, в рамках модели поведения государства должны присутствовать и реализовываться инструменты, дисциплинирующие капитал, извлекающие доходы с помощью налогов, обеспечивающие правовую среду, формирующие промышленную политику, привлекающие инвестиции, защищающие промышленность и поощряющие экспорт), а с другой стороны, отвечать вызовам XXI в., в т. ч. инвестировать в человеческий капитал, оказывать поддержку целого сектора экономики, цифровизации жизнедеятельности страны и создания формы подотчетного, представительного государства [10].

Ниже представлена таблица, которая демонстрирует основные различия характеристик «государства развития» XX и XXI вв.

Таблица

Основные характеристики «государства развития» XX в. и XXI в.

Table. The main characteristics of the “developmental state” of the twentieth and twenty-first centuries

Государство развития XX в.	Государство развития XXI в.
Формирование социально-экономических альянсов	Политическое урегулирование насущных вопросов между элитами
Создание политических, экономических институтов и коммуникация с деловым сектором посредством «встроенной автономии»	Улучшение системы коммуникации властей с деловым сектором с помощью «управляемой взаимозависимостью»
Целевая аудитория — деловое сообщество	Целевая аудитория — гражданское общество
Поддержка национального чемпиона в той или иной отрасли	Поддержка целой отрасли
—	Интеграция в жизнедеятельность государства цифровых продуктов

Источник: составлено авторами на основе работ [10] и [20].

В классической и современной моделях существуют такие объединения, которые представляют собой основную базу легитимности для любого режима развития и возникают в результате взаимодействия между основными государственными институтами, обществом и экономическими акторами [16, с. 156]. В современной модели с учетом новых условий, по утверждению Бута, появляется так называемая система политического урегулирования насущных вопросов с участием элит [8, с. 31]. Она представляет собой негласное соглашение между наиболее влиятельными членами общества, часто имеющими конкурирующие интересы по вопросам распределения политической власти, неформальных процедур разрешения конфликтов, переговоров, поиска компромиссов.

Создание политических и экономических институтов в концепции XX в. представляет собой формальные и неформальные правила, исходящие из общества и влияющие на его взаимодействие с властью [16]. В концепции XXI в. они также сохранили свое присутствие, но сама система коммуникации властей с деловым сектором получила некоторое улучшение. Она, наряду с «встроенной автономией», принимает форму «управляемой взаимозависимости» [22]. Под этим термином подразумевается формальная (и неформальная) институциональная среда консультаций и совместного обмена информацией между независимым и сплоченным руководством развития, с одной стороны, и хорошо организованным деловым сектором — с другой. В этой среде государство определяет правила игры, отвечает за постановку социальных целей и работает с негосударственными субъектами для их достижения. Такая структура управления, как представляется, гораздо лучше способствует трансформации и созданию новой промышленности, чем та, в которой государство навязывает политику в одностороннем порядке (сверху вниз), или та, в которой отдельные компании или группы определяют правила игры. Государствам развития XX в. приходилось работать над тем, чтобы отношения с деловым сектором не были инструментом продвижения частных интересов элиты. Контакты с данной группой не уравнивались коммуникациями с гражданским обществом. Последнее в целом было исключено из процесса «синергии государства и общества». Более того, частные промышленные элиты рассматривались как ключевые партнеры в обеспечении промышленных преобразований, а также как основные источники информации о реализуемости конкретных промышленных целей. Социальные группы же были периферийными в этом эксклюзивном партнерстве государства и участниками системы [10, р. 3]. В условиях трансформации экономики и перехода к сектору знаний и услуг существует необходимость не только поддерживать сетевые связи с ключевыми фирмами, но и усилить взаимодействие с гражданским обществом, акцентируя свое внимание на развитии человеческого капитала.

Развитие человеческого капитала является краеугольным камнем в концепции «государства развития» XXI в. по причине того, что устойчивый рост экономики зависит от инноваций. Для частного инвестора инвестиции в человека гораздо более рискованны, чем инвестиции в машины. Бизнес не в состоянии обеспечить оптимальный уровень человеческого капитала, который необходим для стимулирования роста. Соответственно, государственные инвестиции — единственный правдоподобный путь к оптимальному уровню инвестиций в человеческий потенциал.

Следующей особенностью концепции «государства развития» XXI в. представляется государственная поддержка целой отрасли. В то время как в прошлом веке какое-либо восточноазиатское государство развития могло нацеливаться на отдельные национальные компании, чтобы стимулировать промышленный и технологический рост, в настоящее время рыночные методы государственного вмешательства теперь больше полагаются на использование инструментов регулирования для направления экономических ресурсов в предпочтительный сектор экономики. Представленные уровни структуры новой модели тесно взаимосвязаны, и их институционализация жизненно важна не только для преемственности режима, но и для воплощения подхода, ориентированного на развитие. Разумеется, современная версия концепции может быть параллельна аргументации нового политэкономического и институционального анализа, утверждающего, что основной движущей силой долгосрочного социально-экономического развития является взаимодополняющая система соответствующих формальных и неформальных институтов и поддерживающей их политики. Широко

определенные формальные и неформальные институты, социальный порядок и привычки формируют политические соглашения (формальные или негласные), которые определяют возможности государства, формируют качество процесса разработки программ и вносят свой вклад в итоговый комплекс государственной политики.

Анализ опыта ЕАЭС и возможности применения основ новой модели «государства развития» на наднациональном уровне в ЕЭК показывает, что у ЕАЭС есть все условия для применения модели «государства развития». В рамках евразийской интеграции отмечены следующие тренды: сетевое взаимодействие наднационального органа с деловым сообществом и научным сообществом стран — участниц ЕАЭС (получение обратной связи от бизнеса и корректирование работы); вмешательство в экономические процессы органов Союза (ЕЭК, Евразийского межправительственного совета) с целью стабилизации ситуации на общем рынке (пример — антикризисные меры во время пандемии коронавирусной инфекции); развитие определенных отраслей экономики (промышленная кооперация, разработка инструментов финансирования). Между тем данный шаг предполагает серьезную трансформацию ЕАЭС: от передачи широких полномочий наднациональным органам до вмешательства в национальные компетенции. Несмотря на то, что принята Стратегия развития евразийской интеграции до 2025 г., в которой заложено поступательное изучение вопросов, условно относящихся к тематике «государства развития» (образование, экология, туризм и т. д.), на данном этапе государства не готовы и не обсуждают имплементацию модели «государства развития» на наднациональный уровень.

Заключение

Концепция «государства развития» переживает пересмотр. Новые вызовы придают модели «государства развития» новый импульс. В последние годы произошла трансформация мировой экономики: двигатель экономического роста переместился из производственной сферы в сектор знаний и услуг. Сменился политический контекст. Благодаря росту знаний и человеческих возможностей происходит переосмысление социальных потребностей, норм и ценностей. Идеология «государства развития» претерпевает фундаментальную перестройку: от заботы об экономическом росте к более всеобъемлющей цели социального и человеческого развития. Пандемия COVID-19 привела к существенным преобразованиям экономической и политической деятельности государства, вызывающим заметные изменения в социальной политике. И наконец, цифровизация служит причиной трансформации государственной политики, упрощая в целом функционирование властей. Использование цифровых технологий позволит упростить процесс взаимодействия с гражданским обществом и оптимизировать работу. Во главе системы ставится государство, выступающее формирующим и осуществляющим политику развития элементом, для чего государству необходима не только компетентная бюрократия, но и эффективные отношения с отечественным бизнесом, который неизбежно будет находиться в центре любых успешных инициатив по развитию [1]. Другими словами, государство должно быть достаточно встроено в общество, чтобы оно могло реализовать свои цели, действуя через социальную инфраструктуру, но не настолько близко к бизнесу, чтобы исключить риск функционирования их в интересах индивидуальных лиц.

В идеале эффективная версия концепции должна быть направлена на взаимодействие с гражданским обществом, результатом которого должно стать развитие человеческого капитала. Именно к этому должны стремиться страны, принявшие данную модель, именно таким образом должна быть выстроена модель «государства развития» XXI в.

Страны ЕАЭС, осуществляющие экономическую политику на наднациональном уровне, обладают многими характеристиками модели «государства развития» и имеют как потенциал, так и возможности для расширения применяемого инструментария модели и тем самым углубления интеграции в рамках Союза. Между тем реализация во многом зависит от готовности стран к такой трансформации.

Литература

1. Глазьев С. Ю. Государство Развития [Электронный ресурс] // ГлазьевРy. URL: <https://vk.cc/cbpKEz> (дата обращения: 13.02.2022).
2. Завьялова Е. Б., Чжэ Сун Ли, Шаманина Э. А. Роль государственно-частного партнерства в инфраструктурном развитии: сравнительный анализ российского, китайского и корейского опыта // Сегодня и завтра российской экономики. 2019. № 95–96. С. 104–119.
3. Зудин А. Ю. Государство и бизнес в России: эволюция модели взаимоотношений // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). С. 200–212.
4. Кундин А. В. Новый тип организации государства: рациократия [Электронный ресурс] // Электронный периодический рецензируемый научный журнал SCI-ARTICLE.RU. 2020. № 84. С. 66–82. URL: <https://vk.cc/cbpKHJ> (дата обращения: 11.02.2022).
5. Полтерович В. М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47).
6. Babic M., J. Garcia-Bernardo, E. M. Heemskerk. The rise of transnational state capital: State-led foreign investment in the 21st century // Review of International Political Economy. 2020. V. 27. No. 3. P. 433–475.
7. Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia: Politics, Security and Economic Development. 2014. 2nd Edition. Publisher : Palgrave Macmillan. 304 p.
8. Booth D. Towards a relevant concept of development regime. Developmental regimes in Africa: Synthesis Report. Overseas Development Institute. London. 2015. P. 31–34.
9. Evans P. B. Embedded autonomy: States and industrial transformation. Princeton University Press. 1995. 323 p.
10. Evans P., Heller P. The state and development. WIDER Working Paper 2018/112 [Electronic resource]. Helsinki : UNU-WIDER. 2018. URL: <https://vk.cc/ccSEnU> (accessed: 15.02.2022).
11. Fosu A. K. (ed.). Development success: Historical accounts from more advanced countries [Electronic resource]. Oxford University Press. 2013. URL: <https://vk.cc/cbpKTO> (accessed: 18.02.2022).
12. Haggard S. Developmental states. Cambridge, United Kingdom : Cambridge University Press, 2018.
13. Hirschman A. O. Exit, Voice, and Loyalty: Further Reflections and a Survey of Recent Contributions // The Milbank Memorial Fund Quarterly. Health and Society. 1980. V. 58. No. 3. P. 430–453.
14. IMF. Chapter 3 State-owned enterprises: The other government. In Fiscal monitor, ed. IMF [Electronic resource]. Washington, DC : IMF. 2020. URL: <https://vk.cc/cbpKWg> (accessed: 14.02.2022).
15. Johnson C. MITI and the Japanese miracle. The growth of industrial policy, 1925–75. Stanford University Press. 1982. 412 p.
16. Pempel T. J. The developmental regime in a changing world economy // The Developmental state / ed. by M. Woo-Cumings. Cornell University Press. 1999. P. 137–181.
17. Pereira L. C. B. From Old to New Developmentalism in Latin America [Electronic resource] / Fundação Getulio Vargas, Escola de Economia de São Paulo. 2009. URL: <https://vk.cc/cbpL26> (accessed: 16.02.2022).
18. Robinson J. A., Acemoglu D. The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty. New York : Penguin Publishers. 2019. 576 p.
19. Sen A. Development as Freedom. Oxford University Press. 1999. 336 p.
20. Szanyi M., Geröcs T. (eds.). Market liberalism and economic patriotism in capitalist world-system. Palgrave Macmillan. 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-05186-0
21. Wade R. H. The developmental state: Dead or alive? // Development and Change. 2018. V. 49. Issue 2. P. 518–546.
22. Weiss L. The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era. Cambridge : Polity Press. 1998.
23. Williams M. (ed.) The end of the developmental state? New York : Routledge. 2014. 258 p.

Об авторах:

Кудаяров Уланбек Болотбекович, главный специалист-эксперт отдела информационного обеспечения ДПОО Евразийской экономической комиссии; аспирант Московского государственного института международных отношений (МГИМО) (Москва, Российская Федерация);
u.kudayarov@eecommission.org

Матазимов Абакир Маратбекович, главный специалист-эксперт отдела визовой поддержки и языковой коммуникации ДПОО Евразийской экономической комиссии; аспирант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева (Бишкек, Кыргызская Республика);
abakirmatazimov@gmail.com

References

1. Glazyev S. Developmental State [Electronic resource] // Glazev.ru. URL: <https://vk.cc/cbpKEz> (accessed: 13.02.2022). (In Rus).
2. Zavyalova E., Lee Jae Sung, Shamanina E. The Role of Public-Private Partnerships in Infrastructure Development: A Comparative Analysis of Russian, Chinese and Korean Experience // *The Russian Economy Today and Tomorrow [Segodnya i zavtra Rossijskoj ekonomiki]*. 2019. No. 95–96. P. 104–119. (In Rus).
3. Zudin A. The State and Business in Russia: Evolution of the Relationship Model // *Untouchable stock [Neprikosnovennyj zapas]*. 2006. No. 6 (50). P. 200–212. (In Rus).
4. Kundin A. A New Type of State Organization: Racocracy [Electronic resource] // *Electronic periodical peer-reviewed scientific journal SCI-ARTICLE.RU [Elektronnyj periodicheskij recenziruemyj nauchnyj zhurnal SCI-ARTICLE.RU]*. 2020. No. 84. P. 66–82. URL: <https://vk.cc/cbpKHJ> (accessed: 11.02.2022). (In Rus).
5. Polterovich V. Institutions of catching-up development (on the project of a new model for economic development of Russia) // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast [Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz]*. 2016. No. 5 (47). P. 34–56. (In Rus).
6. Babic M., J. Garcia-Bernardo, E. M. Heemskerk. The rise of transnational state capital: State-led foreign investment in the 21st century // *Review of International Political Economy*. 2020. V. 27. No. 3. P. 433–475.
7. Beeson M. *Regionalism and Globalization in East Asia: Politics, Security and Economic Development*. 2014. 2nd Edition. Publisher : Palgrave Macmillan. 304 p.
8. Booth D. *Towards a relevant concept of development regime. Developmental regimes in Africa: Synthesis Report*. Overseas Development Institute. London. 2015. P. 31–34.
9. Evans P. B. *Embedded autonomy: States and industrial transformation*. Princeton University Press. 1995. 323 p.
10. Evans P., Heller P. The state and development [Electronic resource]. WIDER Working Paper 2018/112. Helsinki : UNU-WIDER. 2018. URL: <https://vk.cc/ccSEnU> (accessed: 15.02.2022).
11. Fosu A. K. (ed.). *Development success: Historical accounts from more advanced countries* [Electronic resource]. Oxford University Press. 2013. URL: <https://vk.cc/cbpKTO> (accessed: 18.02.2022).
12. Haggard S. *Developmental states*. Cambridge, United Kingdom : Cambridge University Press, 2018.
13. Hirschman A. O. Exit, Voice, and Loyalty: Further Reflections and a Survey of Recent Contributions // *The Milbank Memorial Fund Quarterly. Health and Society*. 1980. V. 58. No. 3. P. 430–453.
14. IMF. Chapter 3 State-owned enterprises: The other government. In *Fiscal monitor*, ed. IMF [Electronic resource]. Washington, DC : IMF. 2020. URL: <https://vk.cc/cbpKWg> (accessed: 14.02.2022).
15. Johnson C. *MITI and the Japanese miracle. The growth of industrial policy, 1925–75*. Stanford University Press. 1982. 412 p.
16. Pempel T. J. The developmental regime in a changing world economy // *The Developmental state* / ed. by M. Woo-Cumings. Cornell University Press. 1999. P. 137–181.

17. Pereira L. C. B. From Old to New Developmentalism in Latin America [Electronic resource] / Fundação Getulio Vargas, Escola de Economia de São Paulo. 2009. URL: <https://vk.cc/cbpL26> (accessed: 16.02.2022).
18. Robinson J. A., Acemoglu D. The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty. New York : Penguin Publishers. 2019. 576 p.
19. Sen A. Development as Freedom. Oxford University Press. 1999. 336 p.
20. Szanyi M., Gerőcs T. (eds.). Market liberalism and economic patriotism in capitalist world-system. Palgrave Macmillan. 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-05186-0
21. Wade R. H. The developmental state: Dead or alive? // Development and Change. 2018. V. 49. Issue 2. P. 518–546.
22. Weiss L. The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era. Cambridge : Polity Press. 1998.
23. Williams M. (ed.) The end of the developmental state? New York : Routledge. 2014. 258 p.

About the authors:

Ulanbek B. Kudaiarov, Chief Specialist-Expert of the Information Section of Organizational Support and Protocol Department of the Eurasian Economic Commission; postgraduate student at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) (Moscow, Russian Federation);
u.kudayarov@ecommission.org

Abakir M. Matazimov, Chief Specialist-Expert of the Visa Support and Language Communication Section of Organizational Support and Protocol Department of the Eurasian Economic Commission; postgraduate student at the Diplomatic Academy MFA KR named after K. Dikambaev (Bishkek, Kyrgyz Republic);
abakirmatazimov@gmail.com